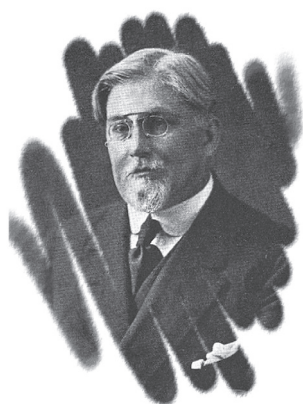

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Русский институт университетских знаний в межвоенной Латвии

Сергей Цоя

Проф. К.И. Арабажин – ректор РУК

Введение

В результате революций 1917 года и Гражданской войны на территории бывших российских губерний в Прибалтике возникло несколько независимых государств. Одним из них стала Латвийская республика.

Молодое государство изначально отличалось многонациональностью. Большинство населения составляли латыши (ок. 1,5

мил. человек), около четверти жителей были представителями других народов. Среди них необходимо упомянуть евреев (более 90 тыс. человек), прибалтийских немцев (ок. 70 тыс. человек), поляков (ок. 50 тыс. человек). В Латвии проживали также литовцы, эстонцы и другие этнические группы, которых в стране было немного. Однако самым большим национальным меньшинством были русские. Их на территории Латвии проживало более 200 тысяч человек, что составляло около 10 процентов населения страны¹.

Большая часть русских обосновалась здесь еще до Первой мировой войны и проживала в основном в восточной части страны, в Латгалии. Так, согласно переписи населения 1897 года, в губерниях России (Курляндской, Лифляндской, Витебской), на территории которых потом была создана Латвийская

республика, проживало 232 204 русских. Накануне Первой мировой войны их было уже около 300 тысяч человек². Согласно данным переписи 1897 года, приведенным латвийским историком А.А. Завариной, на территории Латвии (без учета тех волостей, которые после Второй мировой войны были включены в состав России) проживало 145 618 человек, считавших родным языком русский. 80 097 были православными, 65 521 — старообрядцами. Из них 75 275 человек проживало в Латгалии, что составляло около 15 процентов от общего населения края. Большая часть — 54 425 человек — были сельскими жителями³. В 1920–30-е годы в процентном отношении количество русского населения в Латгалии еще более возросло. На 1935 год в Латгалии проживало около 75 процентов от всего русского населения страны, которое по преимуществу было крестьянским. К 1930 году около 150 000 русских Латвии жили на селе и занимались сельским хозяйством⁴.

Однако много было и русских послереволюционных эмигрантов (в Латвию переселилось ок. 20–30 тысяч человек)⁵, которые концентрировались главным образом в столице, в Риге. В итоге Латвия стала одним из центров русского послереволюционного зарубежья.

Пример Латвии показывает, каким образом могло существовать русское население за пределами России, как происходила самоорганизация населения, какие были достижения и трудности. Понятно, что в отсутствие вертикальной организации со стороны государства должны были проявиться тенденции к горизонтальной организации, то есть люди объединялись вокруг созданных ими же сообществ.

В то же время нельзя русское население межвоенной Латвии рассматривать в отрыве от русских диаспор в других странах. Умонастроения эмигрантов, их попытки организовать жизнь за пределами России имели общие тенденции в самых разных местах.

Одной из краеугольных основ для существования народа и его культуры, как известно, является национальная школа со всеми образовательными ступенями, венчающаяся высшими учебными заведениями. Важную роль для русского и русскоязычного населения межвоенной Латвии сыграли созданные осенью 1921 года Русские университетские курсы — РУК (с 1930 года Русский институт университетских знаний — РИУЗ). Важно отметить, что это был один из первых удачных опытов создания русского высшего учебного заведения за пределами России после потрясений 1917–1920-х годов. РУК (РИУЗ)

были достаточно стабильным учебным заведением, просуществовавшим практически все межвоенные годы. Для прояснения роли и места русского высшего учебного заведения в довоенной Латвии и написана данная работа.

Положение Русских университетских курсов, позднее — Русского института университетских знаний, в Латвии в 1920–30-е годы, их педагогическая миссия, по глубокому убеждению автора, недостаточно изучены и представлены в научной литературе. Учебному заведению посвящено несколько научных статей⁶ и небольшой раздел в книге латвийского историка Т.Д. Фейгмане «Русские в довоенной Латвии. На пути к интеграции»⁷. Эта тема затрагивается также в отдельных статьях и разделах книг, посвященных некоторым преподавателям, работавшим в РУК (РИУЗ)⁸. Имеется ряд газетных и журнальных публикаций по данному вопросу⁹, в которых выявлены некоторые неточности. В России сравнительно недавно было защищено несколько кандидатских диссертаций, посвященных русскому национальному меньшинству Латвии, которые, правда, имеют слишком общий характер¹⁰.

В работе автор опирался на материалы фонда Русского института университетских знаний в Латвийском государственном историческом архиве (далее — ЛГИА)¹¹. Фонд содержит 84 дела: протоколы заседаний руководящих органов, входящая и исходящая корреспонденция, учебные планы, документы по бухгалтерии, информация о студентах и преподавателях учебного заведения. Привлекались также дела из фонда Министерства образования¹² (далее — МО), содержащие главным образом отчетную документацию и персональные дела учителей, материалы других фондов ЛГИА, например, фонда Латвийской православной церкви (далее — ЛПЦ)¹³, немецкого Гердеровского института¹⁴. Использован ряд материалов из Латвийского государственного архива (далее — ЛГА), из Исторического архива Эстонии (далее — ИАЭ). Автором проанализирована периодическая печать того времени (прежде всего, материалы газеты «Сегодня»), изучены опубликованные воспоминания современников¹⁵ и немногочисленная научная литература.

Необходимо отметить, что источников для всестороннего исследования вопроса достаточно, однако они содержат ряд недостатков. Например, некоторые периоды деятельности учебного заведения подробно представлены в архивном фонде (начало 1930-х годов), а некоторые, напротив, достаточно скудно

(начало 1920-х и 1934-1937-е годы). Воспоминаний современников сохранилось немного, и они в основном лишь косвенно затрагивают деятельность вуза. Как правило, они рассказывают о лицах, учившихся или работавших в РУК (РИУЗ). Однако автору не удалось найти мемуаров, где рассказывалось бы об организации учебного процесса и качестве преподавания в учебном заведении. Поэтому были использованы лишь некоторые фрагменты из подобной литературы.

Хотелось бы поблагодарить всех тех, кто оказывал помощь в подготовке настоящей работы. Это: профессор Микелис Ашманис, Екатерина Николаевна Базилевич, ассоциированный профессор Латвийского университета (далее – ЛУ) Сергей Николаевич Дауговиш, исследователь Института истории Латвии Артур Жвинклис, доктор педагогики Алида Зигмунде, Илларион Иванович Иванов, Наталья Эльмаровна Каже, Марина Геннадиевна Кирьянова, Валентина Захаровна Лазурко, Сергей Александрович Мазур, Александр Дмитриевич Малнач, Андрей Владимирович Петров, Борис Анатольевич Равдин, Алексей Николаевич Романов, Эдуард Владимирович Рыжанков, Николай Николаевич Рыжов, доктор истории Григорий Ефимович Смирин, Марина Николаевна Стетюха, ассоциированный профессор ЛУ Юрий Львович Сидяков, Дмитрий Иванович Трубецкой, доктор истории Татьяна Дмитриевна Фейгмане, Алексей Анатольевич Чекалов, доктор филологии Татьяна Кузминична Шор, доктор истории Дзинтарс Эрглис, Лео Янсонс. Выражаю признательность Рижской русской баптистской церкви «Пробуждение» за предоставление информации об Иосифе Владимировиче Чекалове. Особенно необходимо отметить вклад доктора философии Светланы Николаевны Ковальчук, поскольку квалифицированная разработка темы вряд ли была бы возможна без ее помощи и советов.

Примечания:

¹ Ceturtā tautas skaitīšana Latvijā 1935. gadā. Salnītis V. (sast.). IV sējums, Rīga: Valsts satatistikā pārvalde, 1937. 286.-287.lpp.; Про разные этнические группы в межвоенной Латвии см.: Bleiere D., Butulis I., Feldmanis I., Stranga A., Zunda A., Latvijas vēsture. 20.gadsimts. Rīga: Jumava, 2005. 185.-196.lpp.; Cerūzis R. Vācu faktors Latvijā (1918-1939). Politiski un starptautiskie aspekti. Rīga: LU, 2004; Jēkabsons Ē. Poļi Latvijā. Rīga: Latvijas Zinātņu akadēmijas Filozofijas un socioloģijas institūts, 1996; Stranga A. Ebreji Baltijā. No ienākšanas pirmsākumiem līdz ho-

lokaustam 14.gadsimts – 1945.gads. Rīga: LU žurnāla „Latvijas Vēsture” fonds, 2008.

² Фейгмане Т.Д. Русские в довоенной Латвии. На пути к интеграции. Рига: БРИ. 2000. С. 5.

³ Заварина А.А. Русское население восточной Латвии во второй половине XIX-начале XX века: историко-этнографический очерк. Рига: Зинатне, 1986. С. 39-40.

⁴ Фейгмане Т.Д. Русские... С. 7.

⁵ См. подробнее: Абызов Ю.И. Латвийская ветвь российской эмиграции. В кн.: Блоковский сборник XIII. Русская культура XX века: метрополия и диаспора. Данилевский А. (ред.). Тарту: Тартуский университет, 1996. С. 282-308.

⁶ Ковальчук С.Н. Из истории высшей школы в довоенной Латвии (1921-1937). Евреи на русских университетских курсах в Риге. В кн.: Евреи в меняющемся мире. Вып. IV. Брановер Р., Смирин Г., Фербер Р. (ред.). Рига: Изд-во Фонд «Шамир» им. М.Дубина, 2002. С.146-158; Цоя С.А. Русский институт университетских знаний в Риге. В кн.: Прибалтийские русские: история в памятниках культуры (1710-2010). Гапоненко А.В. (ред.). Рига: Институт европейских исследований, 2010. С. 561-564; Цоя С.А. Русский институт университетских знаний и Латвийская православная церковь. В кн.: Православие в Латвии. Исторические очерки. Сб. статей. Вып. IX. Гаврилин А.В. (ред.). Рига: Филокалия, 2011. С. 111-128; Цоя С.А. Русские университетские курсы – русский вуз в довоенной Латвии. В кн.: Русский мир и Латвия: интеллектуальные традиции в педагогике: идеи и опыт. Альманах. Вып. XXVIII. Мазур С.А. (ред.). Рига: Издание общества Seminarium Hortus Humanitatis, 2012. С. 81-100.

⁷ Фейгмане Т.Д. Русские... С. 304-308.

⁸ См.: Ковальчук С.Н. Константин Иванович Арабажин. В кн.: «Покровское кладбище. Слава и забвение». Сборник статей. Видякина С., Ковальчук С. (сост.) Рига: Multicentrs, 2004. С. 149-151; Она же. Вячеслав Михайлович Грибовский. В кн.: «Покровское кладбище...». С. 189; Она же. Анатолий Александрович Угрюмов. В кн.: «Покровское кладбище...». С.245-246; Она же. Арабажин К.И. В кн.: Выдающиеся русские латвийцы. Биографический справочник. Рига, IK ZORIKS, 2008. С. 36 - 37; Она же. Романтическая душа Марка Вайнтроба. В кн.: Евреи в меняющемся мире. Вып. II. Брановер Р., Смирин Г., Фербер Р. (ред.). Рига: Изд-во Фонд «Шамир» им. М.Дубина, 1998. С. 113-121; Она же. Русские университетские курсы. «Наука и мы», 1990, № 11. С. 18-20; Она же. 22 года из жизни ученого: цивилист Василий Синайский в Латвии. В кн.: Русский мир и Латвия: Русская интеллигенция. Альманах. Вып. XXI. Рига: Издание общества Seminarium Hortus Humanitatis, 2010. С. 61-72; Она же. Историк и его история: Роберт Юрьевич Вип-

пер. В кн.: Русский мир и Латвия: Три школы внимания. Альманах. Вып. XXV. Мазур С.А. (ред.). Рига: Seminarium Hortus Humanitatis, 2011. С. 200-210; Она же. Федор Александрович Эрн. В кн.: «Покровское кладбище...». С. 260-263; Ленц Л. Сергей Маркович Нюрнберг. В кн.: «Покровское кладбище...». С. 226-228; Zigmunde A. LU professors Konstantins Arabažins (1865 – 1929). Grām.: Latvijas Universitātes raksti. Zinātņu, vēsture un muzejniecība. 738.sējums. Rīga: LU, 2008. 52.-57.lpp.

⁹ Ковальчук С.Н. Природа знать не знает о былом. (Воспоминания о профессоре К. Арабажине).

«СМ–Сегодня», 13.07.94, № 132. С. 7; Цоя С.А. Учиться по-русски. «Суббота», 10-16.08.11, № 32. С. 17; Цоя С.А. Русские университетские курсы и современность. «Балтийский мир», 2011 год, № 4. С. 54-56; Kovaļčuka S. Par Krievu universitātes kursiem. «Zinātne un mēs», 1990, № 11. 19.-20.lpp.

¹⁰ См., например: Калиниченко Е.В. Тема диссертации: Положение русскоязычного населения в странах Прибалтики в межвоенный период (1918-1939 гг.). Ученая степень: кандидат исторических наук. Место защиты диссертации: Москва, 2005 год; Петроченко К.В. Тема диссертации: Русская диаспора в Латвийской Республике: 1918-1940 гг. Ученая степень: кандидат исторических наук. Место защиты диссертации: Новосибирск, 2006 год.

¹¹ Это: ЛГИА, 5901 фонд, 1 опись.

¹² ЛГИА, фонд 1632, опись 1; фонд 2125, оп. 1, дела: 37, 336, 899, 900, 901, 902; фонд 6637, оп. 2; фонд 6648, оп. 1, дела: 422-429.

¹³ ЛГИА, фонд 7469.

¹⁴ ЛГИА, фонд 4772.

¹⁵ См. например: Mauriņa Z. Iedzīvotājiem ir skaisti. Autobiogrāfiskas triloģijas otrā grāmata. Rīga: Daugava, 1997. 57.-66.lpp.

Глава 1. Высшее образование в русском зарубежье в 20– 30-е годы XX века

Русское высшее образование в странах послереволюционного рассеяния

В результате революций 1917 года и последующих событий, как известно, из России были вынуждены уехать миллионы людей, большинство из которых нашло пристанище во Франции, Германии, Чехословакии, Югославии и Китае (Харбин).

Эмигрантам, пережившим произошедшие на родине перемены как трагедию, приходилось теперь обустроить свою жизнь на чужбине.

Трагические события всколыхнули рус-

ское общество, заставили пересмотреть подходы к фундаментальным мировоззренческим вопросам. Взамен нигилизма и атеизма, оказывавших большое влияние на российскую социально-политическую и духовную жизнь до революции, произошел всплеск религиозности. Русскую интеллигенцию стала объединять миссия спасения России, а несколько позже — идея сохранения русской национальной идентичности в условиях эмиграции. Важную роль начали играть организации религиозного толка, в частности, Русское студенческое христианское движение (далее – РСХД)¹.

В эмиграции русские переселенцы стали создавать научные общества и образовательные учреждения. Ученые общества, русские учебные заведения возникли в Югославии, Болгарии, Великобритании, Италии, Польше, Швеции, Швейцарии, Финляндии, Эстонии, Чехословакии, Латвии, Германии, Франции, Китае, и в близкой к развалу Османской империи (в частности, в Константинополе). Стали регулярно проводиться съезды русских академических организаций².

По словам В.В. Костикова, автора одной из первых книг о русской послереволюционной эмиграции, вышедшей в СССР, «... Русская академическая и учебная жизнь за границей, можно сказать, была «обречена» на активное существование в силу хотя бы того прискорбного факта, что советская Россия с вызывающей... неосмотрительностью выпроваживала в эмиграцию свои академические силы»³.

Без сомнения, русская интеллигенция принесла в эмиграцию лучшие традиции российского академического образования. Был использован опыт российских предреволюционных учебных заведений, альтернативных государственным. Имеется в виду Санкт-Петербургский Психоневрологический институт, Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского.

Какие же новшества были внесены этими учебными заведениями в образовательную систему России? Психоневрологический институт, основанный в 1907 году в Санкт-Петербурге по инициативе выдающегося ученого Владимира Михайловича Бехтерева (1857-1927), был призван заниматься исследованием нервной системы человека. Но, с другой стороны, этот институт давал высшее образование молодым людям любого вероисповедания и даже не закончившим классической гимназии. Это позволило открыть доступ к образованию выходцам из разных слоев общества. Через Основной факультет